

Переводчик: Антония

Так как несколько дней назад, возвращаясь из особняка Тонг, Мо Цяньсюэ остался дома, писал и рисовал картины целый день, что сделало Нин Шаоцин очень любопытным.

Он спросил ее, но она не раскрыла, а только сказала, что это секрет, и что она все ему расскажет после того, как доберется до долины.

Если бы она сказала Нин Шаоцин, что она работает над планом терапии для лорда Тонга, он, банку уксуса, безусловно, приземлит ее и никогда не давать ей уйти.

С тех пор как Мо Цяньсюэ остался дома, Нин Шаоцин дала школьникам выходной под предлогом холодной погоды.

Мо Цяньсюэ быстро набросал что-то на бумаге, написал и нарисовал.

Она напрягала мозги, чтобы придумать отличный план, который заключался бы в том, чтобы рассказывать детские истории в форме анимации.

Нин Шаоцин сидела на боку и читала книгу. Мо Цяньсюэ потеряла чувство времени на мгновение, когда она посмотрела вверх и увидела его полуулыбающееся лицо с чернильно-шелковыми волосами, висящими с двух сторон, которое было спокойным, как прекрасный нефрит.

Кто угодно невольно смотрел на такого красавца с водяным ртом.

Поэтому, когда Мо Цяньсюэ рисовала анимационные карты, она также время от времени мелькала на него.

Если Нин Шаоцин случайно посмотрел и на нее, то она улыбнулась и снова посмотрела вниз на свои картины.

Простая улыбка и мягкие любящие глаза сформировали тепло между парой. Нин Шаоцин почувствовал, как чистая родниковая вода течет мимо его сердца.

Никакой вражды, никаких расчетов, никаких неприятностей... Сладость в сердце заставила его почувствовать, что эта жизнь слишком прекрасна, чтобы быть правдой.

С улыбкой он положил книгу в руку, перетащил ее через табуретку, чтобы сесть на противоположной стороне Мо Цяньсюэ, держась за стол и наблюдая за ней.

Улыбка, расплывшаяся на губах Мо Цяньсюэ, напомнила ему о ее контратаке в прошлый раз,

когда она чуть не укусила его в губы. Сладкие волны тепла пролетели сквозь его сердце, чтобы дотянуться туда и сформировать обогреваемое место.

Мо Цяньсюэ немного стеснялся своего взгляда, кашляя: "Шаоцин". Я не могу рисовать, когда ты так смотришь на меня". Взгляд, похоже, поглотил ее!

Нин Шаоцин невинно моргнул и сыграл женщину: "Если ты не смотришь на меня, откуда ты знаешь, что я смотрю на тебя. Кроме того, ты только что посмотрел на меня и помешал моему чтению. Конечно, я тоже должен смотреть на тебя".

Мо Цяньсюэ никогда не ожидал такой персоны от Нин Шаоцина. Под таким пристальным взглядом Мо Цяньсюэ не думала, что сможет закончить рисунки.

Смеясь, она опустила ручку и планировала поддразнить его.

Потом она прочистила горло, серьезно относилась к нему и сказала: "Да. Я посмотрела на тебя. Тем не менее, мой взгляд содержит в себе признательность, а не ваша, которая настолько прямолинейна, что вы, кажется, глотаете меня сразу же. Это слишком... возбуждающе."

Здорово? Она сказала, что он возбуждён? Улыбка Нинга Шаоцина затвердела на его лице. Он встал, протянул длинную руку, чтобы достать ее и дать ей почувствовать, как его проглотил возбужденный мужчина.

Клэри вскочила, поспешила отойти и сумела убежать от волчьей ладони. Она засмеялась от злорадства. К счастью, она была достаточно проворна. Она знала, что мужчина так отреагирует!

Мо Цяньсюэ успокоилась, когда обернулась и обнаружила, что Нин Шаоцин перепрыгнул через стол, поселившись на нем наполовину и улыбнувшись Клэри.

Перед ней стена была недалеко. Упс. Ей пришлось убежать. Среда бела дня! Что, если он действительно был возбужден ею...?

Она осторожно подошла к двери, когда пришел порыв ветра, и двери тут же заткнулись стуком.

Мо Цяньсюэ не могла не воскликнуть, что в легендах это был так называемый пальмовый ветер.

Она повернулась и заставила улыбнуться: "Так ветрено, правда? Я просто хотела закрыть двери".

Понимая ее стыдливость, Нин Шаоцин, прислонившись к столу, был поражен ее реакцией, сказав в томительном тоне: "Закройте двери? Чтобы вы могли сделать что-нибудь роговое с вашим мужчиной?"

Этот человек? Его природа так быстро изменилась? Или это была его настоящая природа?

В жизненном опыте Мо Цяньсюэ время целоваться с человеком было равно нулю. Хотя только что она осмелилась сказать флиртующие слова, в этот момент, услышав ответ Нин Шаоцина, она почувствовала застенчивость в разогреве.

Она пробормотала: "Это неправильно... среди бела дня".

Нин Шаоцин хихикал и притворялся денди, скручивая ей палец: "Иди сюда, Цяньсюэ".

Мо Цяньсюэ плакала про себя. Почему она спровоцировала его только что? У этого парня было два человека днём и ночью. Очень вероятно, что в этот раз ее действительно съедят...

Двери закрылись. При таких обстоятельствах казалось, что она должна пойти к нему.

Тем не менее, если она подошла немедленно, она будет казаться слишком нетерпеливым, но Мо Цяньсюэ не хотел произвести впечатление на Нин Шаоцина, как это, поэтому она медленно двигалась к нему в маленьких шажках.

Когда она была в нескольких шагах от него, Нин Шаоцин вдруг вспыхнул и мгновенно взял ее в свои объятия.

Итак, это было сегодня?

Но это маленькое тело было слишком молодым. По крайней мере... она должна подождать до следующего года.

Его объятия были настолько тугими, что она все еще могла чувствовать эту горячую часть тела даже через толстую зимнюю одежду.

Идеальные горячие губы прикоснулись к ее слегка холодным губам.

Казалось, что жара течет к ее сердцу, поэтому она не могла не открыть рот, чтобы ответить вместе с ним.

Выпирающая мягкость ее груди под одеждой была схвачена и ласкана. Ошеломляющие волны электрического тока прокатились, как шторм.

Ее ноги мгновенно становились слабыми, а мозг - пьяным.

Это было дневное время. Память о том, как Асан постучал в дверь в прошлый раз, была еще свежа. Так неловко!

Она приняла решение и сильно ущипнула собственное бедро. Боль восстановила некоторую ясность в ее разуме и силу.

По мере того, как ее мозг становился яснее, открывающийся рот больше не сотрудничал, а непосредственно давал укус.

Тем не менее, Нин Шаоцин, казалось, уже ожидал этого. Его губы быстро отошли, чтобы скользить по ее щеке, чтобы добраться до мочки уха.

Зуд! Зуд! Сердце тоже чешется!

Горячие губы, казалось, уже достаточно облизывали мочку уха и отодвинулись назад, чтобы обернуть ее маленький ротик.

Разум Мо Цяньсю превратился в полный бардак. Казалось, что в одно мгновение вспыхнула горячая суeta, зарядив ее тело, чтобы оно дрожало и стимулировало нервные ткани мозга.

В этот момент ее унесли на диван.

Она хотела остановить его, но ее тело было слишком бессильным, чтобы прилагать какие-либо силы, которые, казалось, были растоплены его теплом.

Она ясно чувствовала ускорение дыхания Нин Шаоцин и слышать ее собственное жестокое сердцебиение, а также его теплые пуховки вокруг шеи и мягкие мокрые губы кружат и провоцируют вокруг ее губ и ушей.

Он... действительно забрал ее?

Мо Цяньсюэ колебался и в конце концов принял решение, что если он действительно сорвет с нее одежду, она мгновенно вышвырнет его из постели.

Однако, как только она приняла решение, человек на ней, хотя все еще горит, остановил его движение.

Все действия вдруг остановились!

Воздух был заморожен в тот момент.

Предсказанное безумие и свирепость не пришли. Мо Цяньсюэ была каким-то образом разочарована и потеряла, открыв глаза, чтобы посмотреть на него в замешательстве.

"Цяньсюэ".

"Да".

Нин Шаоцин стабилизировал свое грязное дыхание и очистил неровный волос на лбу, мягко сказав: "Цяньсюэ, на самом деле ты мне не понравился при первой встрече с тобой".

Этот человек теперь должен быть мокрым одеялом?

"Хорошо". Я тоже не планировала провести свою жизнь с тобой, когда вышла за тебя замуж в качестве счастливой жены." Заканчивая слова, Мо Цяньсюэ попытался оттолкнуть его.

Он затянул руки и прижал ее ближе к груди. Видя ее расстроенную и нетерпеливую попытку убежать, он засмеялся и нежно укусил ее за ухо: "Не могли бы вы дать мне закончить?".

Мо Цяньсюэ прикоснулась к мочке уха в недовольстве и перестала бороться: "Просто продолжай". Я не загораживаю тебе рот". Этот человек привыкал кусать ее. С тех пор, как в прошлый раз, он всегда надевал вид, что кусает ее до смерти.

Кроме того, почему он все еще держал ее, если она ему не нравилась? Он был таким тяжелым!

Мо Цяньсюэ чувствовал приливы печали и гнева...

Она бегала туда-сюда каждый день, независимо от холода и усталости только для него, но теперь он должен сказать это. Она была очень расстроена.

Нин Шаоцин помогла причесать ее волосы и сказала: "В начале я была в полном отчаянии, веря, что проведу остаток жизни в печали". Даже если бы я могла проснуться, моя жизнь ничего не значила, кроме нескольких дней жалости". Я не думал, что имею право любить тебя...

В тот день я опрокинул чайный поднос в оцепенении. Когда я пришел в сознание, я не мог больше сожалеть, но я не встал, чтобы просить прощения, потому что я думал, что не должен причинять тебе больше неприятностей, если я скоро умру..."

Сильные эмоции, прокатывающиеся в спокойном тоне Нин Шаоцина. Минуту назад Мо Цяньсюэ

разозлилась, а теперь покраснела. В конце концов, это был первый раз, когда он признался ей, хотя и не сказал сразу три слова - я люблю тебя.

Однако его признание содержало эмоции, которые во много раз сильнее и глубже светлых трех слов.

"Когда я проснулся снова, то то, как ты смотрел на меня, заставляло меня чувствовать..."

Нин Шаоцин слишком серьёзно отнеслась к тому, что даже Мо Цяньсю находит его немного кашеобразным, поэтому она вклинилась: "Разве я похожа на любящую мать?"

Нин Шаоцин бросил ей в глаза: "Ты дашь мне закончить? Или ты хочешь..." Он показал несколько зубов.

При виде ряда его белых зубов она толкнула его: "Да! Пожалуйста, заканчивайте".

Взявшись за ее толкание, он встал и пошел в комнату, чтобы продолжить свою речь.

Он рассказал ей о своих чувствах в то время. В тот день, когда он снова проснулся, он почувствовал беспрецедентную теплоту от нее.

Затем он сказал, что на самом деле мать в особняке Нинга не была его биологической матерью. Он уже упоминал об этом раньше, но в этот раз он подробно рассказал.

Мо Цяньсюэ наполовину прислонился к дивану и спокойно слушал.

Он родился с голубой кровью и по умолчанию является наследником семьи Нин благодаря своей выдающейся внешности, упорному труду с юных лет, необыкновенному уму и, что самое главное, своей идентичности как единственного законного сына.

Но только из-за всех этих черт его уважали и боялись другие. С самого юного возраста он был одинок без друзей и товарищей по игре. За исключением слуг, вокруг него не было людей.

Как он был счастлив, когда узнал, что его мачеха родила сына, его младшего брата. Наконец, появился человек, с которым он мог стоять плечом к плечу. Он повсюду хвастался, что у него теперь есть брат, и как красив и умен его брат.

Когда он пошел в школу, один из его одноклассников сказал, что каждый младенец выглядел одинаково, плакал и кричал, и был уродлив, как старик. Он ударился о потолок и преподавал этому однокласснику хороший урок". Позже он был наказан за этот инцидент, чтобы встать на колени в предковом зале, но он просто улыбнулся и никогда не жалел".

Мачеха была добра к нему, мягкая, улыбаясь, заботилась о нем, когда он заболел, и говорила ему, чтобы он надел больше одежды, когда погода стала холодной. Брат тоже наслаждался его сопровождением и всегда обнимал и ползал по нему. Все это давало ему ощущение дома.

Со временем он убедился, что она действительно считает его сыном, а он относится к ней как к матери.

Говоря об этом, он сделал паузу и не стал больше говорить о прошлом, а лишь сказал: "Цяньсюэ, отныне ты - моя семья". Достаточно иметь тебя в моей жизни!"

Сюжет изменился так быстро, что в ее горле застрял полный желудок слов, которые Мо Цяньсюэ готовил утешить его. Было бы неудобно либо выплюнуть, либо проглотить. Клэри встала, с тихими глазами, поцарапав голову.

Прежняя часть была автоматически проигнорирована ею.

Она просто не поверила, что древний мужчина-шовинист может сказать что-то подобное. Это была клятва? Он поклялся провести с ней остаток жизни и никогда не уезжать?

Она не разговаривала, поэтому, вздохнув, Нин Шаоцин наклонился, чтобы обнять ее за талию, и поднял ее, чтобы встретиться с ним лицом к лицу.

Она ему не доверяла?

Или потому что... они этого еще не сделали?

Или...

Были некоторые слова, которые он не осмеливался произносить по ночам, и вещи, которые он не осмеливался делать по ночам. Это было неподходящее время. Он боялся, что не сможет вовремя остановиться!

Минуту назад он чуть не забрал ее прямо.

Он поклонился, чтобы поцеловать ее в чистый лоб и, двигаясь вниз, чтобы поцеловать ее слезы. Его сердце дрогнуло, и поцелуй стал еще мягче, как перед сокровищем.

Это было так удивительно - быть любимым! Когда ты чувствовал боль, она чувствовала то же самое; а когда ты плакал, она плакала вместе с тобой.